

ЧАСТЬ I

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ

I. Дочь бакалейщика

Столичная элита, в массе своей никогда не относившаяся к Тэтчер с особой теплотой, помимо «неправильной» классовой принадлежности нередко намекала на другую причину, по которой Тэтчер не имела права претендовать на высшую власть в Соединенном Королевстве. Эта причина — глубоко провинциальное происхождение. Нередко и сейчас можно услышать, что малая родина бывшего премьера — «скучнейший городок во всей Англии».

Город Грантем, в котором девяносто пять лет назад, 13 октября 1925 года, родилась будущая Железная леди, известен еще до норманнского завоевания. Сейчас здесь живет 33 тысячи жителей, а в двадцатых годах прошлого века было их около 20 тысяч. Графство Линкольншир, в котором находится Грантем, расположено на восточном побережье Англии, приблизительно на полдороге от Лондона до Ньюкасла. Большая часть графства — это очень плоская равнина, окраина которой была отвоевана у моря и лежит ниже его уровня. Городок же занимает южную оконечность невысокой гряды известняковых холмов, пересекающих Линкольншир с севера на юг. На той же гряде расположился и Линкольн, центр графства, основанный еще римлянами, в котором сохранились и до сих пор используются по назначению римские городские ворота. Кафедральный собор Линкольна, построенный в XIII веке, высится над городом и виден издалека. Он по праву считается одним из лучших средневековых готических соборов.

Графство издавна специализировалось на сельском хозяйстве — почвы тут плодородны и особенно хороши для пастбищ. На побережье многие линкольнширцы заняты ловлей рыбы в водах Северного моря, но в основном это край земледелия и скотоводства, как сто лет назад. Развиты здесь и переработка сельхозпродукции, и изготовление и ремонт сельхозтехники и оборудования. Линкольн еще в XIX веке стал заметным центром сельскохозяйственного машиностроения, и Грантем, третий по величине город Линкольншира, двигался в том же направлении.

Грантему повезло оказаться на направлении шоссейной дороги (сейчас известной под кодом А1) из Лондона в Линкольн, а позже обзавестись узловой железнодорожной станцией. Но в истории город ничем особо не отмечен, разве что тем, что в 1643 году, во время гражданской войны, его на какое-то время сделал штаб-квартирой Оливер Кромвель, а за год до того в соседнем поместье Вулсторп родился один из основоположников современной науки Исаак Ньютон.

Пожалуй, наиболее ярким событием за всю историю Грантема было сражение 13 мая 1643 года, когда двенадцать эскадронов парламентской кавалерии, частью которых командовал Кромвель, одержали победу над двадцатью одним эскадроном армии короля Карла I, уравнив победу роялистов, одержанную ранее ночью. У некоторых авторов можно даже прочесть, что в конной стычке у Грантема Кромвель доказал способность своей «новой армии» одерживать победы над элитой противника, королевской кавалерией. Но в остальном история Грантема гораздо менее захватывающая.

Отец будущего премьер-министра, Альфред Робертс, не был уроженцем городка. Он «понаехал» из соседнего Нортхемптоншира, где четыре поколения его семьи были деревенскими сапожниками. Робертс родился в 1892 году.

Он был книжным мальчиком и мечтал стать учителем, но был вынужден оставить школу в двенадцать лет, чтобы помогать семье. Тяга к знаниям и стремление наверстать упущенное образование остались с ним на всю жизнь.

Альфред не хотел продолжать семейное дело и вскоре покинул дом. Его дальнейшая биография словно сошла со страниц популярной книги по самосовершенствованию. Сменив несколько мест работы, в 1913 году он приехал в Грантем и устроился помощником управляющего в одном из крупных бакалейных магазинов города. Когда на следующий год разразилась Первая мировая война, Альфред отправился на призывной пункт, но в армию его не взяли — он был очень близорук (на всех фотографиях первое, что бросается в глаза, — большие очки с очень толстыми стеклами). Возможно, этот физический недостаток спас его от участи сотен тысяч молодых людей, воевавших везде, от полей Фландрии до пустынь Месопотамии и просторов Южной Атлантики, и сложивших головы на фронтах Великой войны, как тогда ее назвали.

Высокий (метр восемьдесят пять — на то время этот рост считался значительно выше среднего), стройный, очень светлый блондин с симпатичными чертами, Альфред Робертс вскоре познакомился с Беатрис Этель Стивенсон, дочерью местного железнодорожника. В 1917 году они поженились. Беатрис (Бити) была старше мужа на четыре года, у нее уже было собственное швейное дело. Через два года молодые супруги накопили достаточно денег, чтобы открыть собственный бакалейный магазин на северной окраине Грантема на развилке важных дорог по адресу *1 North Parade*. Еще через два года в семье Альфреда и Беатрис родился первенец, дочь Мюриэль, а в 1925 году — вторая дочь, Маргарет Хильда. Родители любили девочек. В мемуарах, говоря о детстве, Маргарет Тэтчер писала: «Наши

наиболее ранние воспоминания обычно представляются нам одним сплошным туманом. Мой туман был счастливым, в нем всегда светило солнце, пробиваясь сквозь листья лаймового дерева в нашей зале, и кто-то — моя мама, сестра, а может быть, кто-то из работниц магазина — всегда был рядом, чтобы обнять меня, или успокоить, угостив конфетой».

К моменту рождения Маргарет у Альфреда было уже два магазина — дела его шли хорошо. И несомненно, Альберт видел в собственном успехе руку Божественного Провидения. Для него, как и для супруги, основой жизни была вера. Семья Робертсов (как можно легко судить по фамилии) происходила из Уэльса, где весьма сильно христианство методистского толка. Альфред был не только методистом, но и проповедником и в местной приходской церкви, и в окрестных селах.

Методизм, не слишком известное в наших краях течение христианства, возник благодаря Джону Уэсли, чья жизнь практически совпала с XVIII веком — он умер в 1791 году в возрасте 88 лет. За эти годы Уэсли произнес сорок тысяч проповедей, проехал верхом и прошел пешком 225 тысяч миль (360 тысяч километров), то есть в девять раз больше длины экватора. Он проповедовал не только под кровом церквей и соборов, но и под открытым небом, причем нередко собраниям до двадцати тысяч слушателей. Уэсли был священником англиканской церкви и до самой смерти считал себя одним из ее верных прихожан — несмотря на то, что расхождения с мнением англиканских епископов становились все серьезнее, и неприязнь со стороны англиканской церкви все сильнее. Неудивительно, что после его смерти последователи Уэсли (которых к 1791 году насчитывалось семьдесят тысяч в Британии и Ирландии, и еще почти столько же в Новом Свете) основали собственную церковную

организацию, которая сегодня насчитывает по всему миру около пятидесяти миллионов человек.

Надо сказать, когда Маргарет Тэтчер в середине жизни решила сменить конфессию, перейдя из методистской церкви в англиканскую, то отвечала своим критикам так: «Джон Уэсли считал себя членом Церкви Англии до самой своей смерти. Я не почувствовала, что преодолела какой-то огромный богословский барьер».

Методизм был частью широкого религиозного возрождения XVIII века (мы обычно считаем его веком Просвещения, энциклопедистов и антиклерикализма — и это вполне соответствует действительности, но не исчерпывает ее). С богословской точки зрения методизм не отличается от англиканской ветви христианства, особенно ее евангелистского крыла. Но в момент создания он все же разнился с застывшим и закорячившимся в формализме и консерватизме англиканством, декларируя необходимость личного обращения к Богу и спасения верой в искупительную жертву Христа. Проповеди Уэсли — который считал своим личным призванием спасение душ тех, кому он проповедовал — часто сопровождалась сценами религиозного экстаза среди слушателей (к чему сам Уэсли относился неодобрительно, порицая чрезмерный энтузиазм).

Деятельность Джона Уэсли и его соратников и учеников принесла учение Христа в широкие народные массы, до того отстраненные от религии отношением к ним со стороны государственной англиканской церкви. Методизм распространялся как среди батраков-крестьян и горняков в отдаленных английских графствах, так и среди зарождающегося класса городского пролетариата в крупных метрополисах страны. Не исключено, что евангелизация рабочего класса Англии, осуществленная через методизм, была одной из причин того, что Британия,

в отличие от практически всех других европейских стран, избежала революций в XIX веке. Правящие круги Британии, поначалу с опаской относившиеся к методизму как к потенциальной опасности, в итоге пришли к выводу, что он, наоборот, способствует стабильности.

Методизм оставил след и на англиканской церкви. Брат Джона Уэсли, Чарльз, написал около шести с половиной тысяч религиозных гимнов, которые стали частью и англиканской традиции, до того сторонившейся церковных песнопений. Но в отличие от мейнстрима англиканства, методизм всегда оставался религией прихожан, а не священников. Многие прихожане сами проповедовали на церковных службах и весьма активно участвовали в жизни приходов. Церкви методистов становились центрами общественной жизни окрестных кварталов, организовывали систему социальной поддержки нуждающимся, сеть знакомств и развлечений для прихожан всех возрастов.

Постепенно методизм приобрел респектабельность — в большой степени оттого, что его последователи приобщались к трезвой, размеренной, исполненной труда и бережливости жизни. Поэтому многие достигали вполне-таки материального успеха, и уже к середине XIX столетия в методистских приходах на севере Англии тон задавали владельцы заводов, шахт и прочих предприятий. Встречается мнение, что методизм помогал владельцам компаний, приучая их наемных рабочих к дисциплине, а также внедрял в сознание последователей пессимизм и чувство вины. Но вместе с тем методизм, подталкивая своих адептов к самоусовершенствованию, тем самым в немалой степени способствовал формированию руководства английского рабочего движения. Во многом благотворное влияние методизма на рабочих выразилось в крайне неодобрительном отношении к алкоголю и к пьянству вообще — бичу бедно-

ты и весьма существенной статье расходов в бюджете семей рабочего класса. Поэтому трезвая жизнь существенно повышала его благосостояние. В политическом спектре Англии методизм традиционно находился на левом фланге, имея исторические связи как с Либеральной, так и с Лейбористской партией.

Нередко можно встретить высказывания о двух основных течениях методизма — респектабельном уэслианстве с одной стороны и примитивном методизме с другой. Именно последний часто называли «религией шахтеров». Примитивный методизм широко распространился в промышленных городах севера Англии и поддерживал тесные связи с Лейбористской партией. Вскоре после рождения Маргарет, в 1932 году, адепты обоих течений сделали попытку объединиться, создав на конференции в Лондоне единую Методистскую Церковь, соединившую уэслианцев, примитивных, а также единых методистов (преимущественно ремесленников и квалифицированных рабочих). Это событие было частью более широкого движения религиозного возрождения Британии в межвоенное время. Но полностью устранить разногласия между разными течениями в методизме не удалось. Это, кстати, демонстрирует и семья Робертсов. Несмотря на то что по соседству с их домом и магазином были две методистские церкви примитивного направления, семья во главе с Альфредом Робертсом предпочитала посещать другую церковь за несколько кварталов от дома, в центре Грантема (впрочем, надо сказать, что методистские общины города продолжали держаться обособленно и не признавали объединенную Методистскую Церковь вплоть до 1944 года).

В наше секулярное время упоминания о религиозности семьи Робертсов обычно сопровождаются сарказмом в адрес «долдонящих о Библии» зашоренных святош, и далее такого

сарказма дело не идет — вся якобы и так понятно. Но надо сказать, что Альфред Робертс был далек от образа «долдонящего о Библии». Как я уже говорил, ему пришлось рано оставить и школу, и мечту стать учителем, но тяга к знаниям никогда не изменяла ему. Он много читал, его самообразование — весьма распространенное движение среди рабочих и нижнего среднего класса — дало ему хорошее понимание того, как устроен окружающий мир. Свидетельством этого являются и сохранившиеся тексты его проповедей. Из них видно, что Альфред Робертс вовсе не был фундаменталистом. Более того, он прямо заявлял, что «ортодоксия, традиционализм и фундаментализм могут быть для кого-то руководством, но они никогда не должны быть нашими цепями».

Альфред Робертс в наши дни скорее считался бы либеральным христианином. Он, в частности, поддерживал эволюционную теорию Дарвина. Более того, в его проповедях сам Господь выступал в виде эволюционной силы, дающей человечеству импульс в движении по пути прогресса. Ему были близки течения в христианстве, подчеркивавшие «исторического Иисуса» в противоположность божественному Христу и рассматривающие Библию как памятник того, как человек постепенно познавал Господа. Его проповеди не сводились к выдержкам или парафразам из Священного Писания. В них встречаются цитаты или мысли из Блаженного Августина, Лютера, Аристотеля, Милля, выдающихся английских поэтов (например, Уордсуорта или Поупа), и в то же время практически не встречаются ссылки на широко цитируемые в проповедях того времени классические богословские труды Фокса, Баньяна или даже Уэсли.

Вероятно, Маргарет в воспоминаниях несколько преувеличивала, говоря, что ее отец был одним из наиболее начитанных людей, которых она встречала в своей жизни,

но он, несомненно, имел очень широкий кругозор и обширный круг чтения, а также всячески поощрял в дочерях любовь к книгам и чтению, причем вовсе не ограничивая их интерес к книгам религиозно-благочестивой литературой. Тем не менее Маргарет хорошо знала и любила читать Библию и, будучи уже на вершине своей карьеры, могла легко и со знанием дела ответить на вопрос о любимых строках из Священного Писания. Среди других христианских книг, ценимых ею с детства, можно отметить книги автора «Нарнии» К. С. Льюиса, в том числе саму «Нарнию».

Из текстов проповедей ее отца (интересно, что они сохранились в школьной тетради Маргарет, на не полностью исписанных дочерью страницах — бережливость в семье Робертсов проявлялась во всем) видно, что для Альфреда религия была делом личной ответственности. Способность достичь Спасения — это свойство, неотчуждаемо присущее личности, причем необходимо найти собственный путь к Спасению. «Истинная вера всегда основана на внутренней духовности». Его слова, обращенные к прихожанам: «Веруйте пламенно и со всем убеждением, если хотите убедить уверовать других. Стремитесь полностью посвятить себя своей работе», — перекликаются со словами, обращенными к его дочери, о которых она вспоминала позже: «Никогда не делай ничего просто потому, что другие так поступают» и «Сама реши, как ты хочешь поступить, и убеждай других делать так же». Но проповедник был суров к тем, кто отказывался брать на себя ответственность за свою жизнь: «Ленивый уже утратил собственную душу».

Маргарет Тэтчер сказала однажды: «Я почти всем обязана моему отцу». В день, когда она стала премьер-министром Британии, она заявила, что именно ее отец воспитал ее с верой в то, во что она верит сейчас. В мемуарах она писала об особом «проповедническом голосе», которым

Альфред Робертс произносил свои речи каждое воскресенье, и которые оставили в ее душе глубокий след. Она часто упоминала, что отец научил ее ответственности, самостоятельности и трудолюбию, и особенно честности. «Сначала разберись, во что ты веришь, а затем так и действуй. Не иди на компромисс в важных моментах». Надо сказать, есть разные мнения о том, насколько велико было влияние отца на будущего премьера. Кто-то утверждал, что с 1979 по 1990 год Соединенным Королевством правил из гроба ольдермен Робертс, а кто-то считал, что все эти рассказы Тэтчер о влиянии отца на ее взгляды были самым обычным (пусть и весьма успешным) пиаром со стороны дочери.

И одним из важных моментов, которые Маргарет восприняла от отца, было стремление к социальной справедливости. Вот слова Альберта Робертса из его проповеди в годы войны, когда Маргарет оканчивала среднюю школу и готовилась поступать в университет: «Страх и неуверенность, горе и страдания, невежество, нищета, голод и нужда, несправедливость и угнетение все еще не имеют удержу в равнодушном к ним обществе — и это равнодушие является предательством нашего Господа Бога». Когда младшая дочь автора этих строк через несколько десятилетий встала во главе страны, это трансформировалось в ее стремление «сочетать христианскую любовь и благотворительность с разумной социальной политикой».

Для Альфреда Робертса и для Маргарет Тэтчер Библия содержала в себе две основные идеи: личную ответственность человека и его свободу выбора. Создание материальных ценностей и филантропия должны идти рука об руку с личной ответственностью, сдерживающей количество нуждающихся в социальной помощи, тогда как свобода выбора предусматривала нравственное руководство со стороны христианских церквей. Для Маргарет, как и для

ее отца, свобода была стержнем христианства. В 1983 году она заявила буквально следующее: «Глубинная истина христианства состоит в том, что каждый человек имеет право выбора». Более того, она продолжила: «Отрицать нравственность свободного выбора означает прямо отрицать христианское вероучение». Для Тэтчер само Распятие было высшим актом выбора: никто не отнял у Иисуса жизнь, он сам решил принести эту жертву. Свобода для Тэтчер была не актом фривольности и самоудовлетворения, но божественным дыханием, вселяющим жизнь в человеческое тело.

Пусть методизм традиционно был связан с левым флангом британского политического спектра, да и по свидетельству младшей дочери Альберт в молодости голосовал на парламентских выборах за либеральную партию (Маргарет добавляла, что «в то время либералы выступали за ограниченную роль государства и за частное предпринимательство»), но все же когда он в середине 1920-х годов стал активно участвовать в местной политической жизни, то выставлял свою кандидатуру на выборах в органы местного самоуправления как независимую.

Все детство Маргарет было организовано вокруг работы отца (она с малолетства помогала в магазине) и вокруг его веры. Методистская община задавала календарь ее жизни вне магазина и школы. В воскресенье она со старшей сестрой Мюриэль ходила в воскресную церковную школу, а иногда также и на вечернюю службу. Она вспоминала, что на таких службах часто выступал приглашенный проповедник, а после службы они возвращались со старшими домой, где за ужином мог продолжаться разговор о религии или о политике и международной ситуации, к которым юная Маргарет с интересом прислушивалась. По вторникам она вместе с матерью иногда ходила в кружок кройки

и шитья, организованный при церкви, а в пятницу посещала методистскую гильдию.

Есть разные мнения по поводу того, нравилось ли юной Маргарет такое церквоцентричное времяпрепровождение. Она однажды обронила, что «возможно, было бы чуть-чуть лучше, если бы церкви в моем детстве было бы чуть-чуть меньше». А своему официальному биографу, Чарльзу Муру (последний том его трехтомной биографии Тэтчер вышел в 2019 году), она даже сказала так: «Постоянно церковь, церковь, церковь... Как нам это не нравилось!»

Музыкальная сторона методизма с пением гимнов ей, безусловно, была по душе — она в принципе была весьма музыкальна и очень хорошо играла на фортепиано. Но как-то она проронила, что слегка завидовала своим сверстницам-католичкам, так как те ходили на воскресную мессу в красивых нарядных платьях («с яркими ленточками»), тогда как у методистов все было гораздо скромнее. Но какая маленькая девочка не станет завидовать ярким платьям и ленточкам, мелькающим у порога (причем во вполне буквальном смысле — католическая церковь стояла напротив магазина Робертсов). Тем не менее как только Маргарет осмеливалась добавить к воскресному платью хотя бы ленточку, обязательно кто-нибудь из старших строго замечал, что это «первый шаг на пути к Риму». Позже Тэтчер вспоминала: «Пожалуй, развлечения считались чем-то греховным. Жизнь была дана не для того, чтобы развлекаться. Жизнь была для работы, для свершений».

В начале карьеры на посту премьер-министра Маргарет Тэтчер заявила в одном из интервью: «Мы жили очень дружно, и большинство наших занятий были совместными». Это в полной мере относилось к работе в магазине. Благосостояние семьи зависело от торгового оборота Робертса, что в свою очередь зависело от того, насколько

хорошо удавалось обслуживать покупателей. Магазин был открыт в любое время, мало ли когда возникнет нужда в том или ином продукте. В округе он славился качеством товаров. «Если покупаете у Робертса — значит, покупаете лучшее!» — звучала местная реклама. Обе сестры Робертс помогали родителям с раннего возраста. Это было нелегко, но Маргарет позже вспоминала, что компенсацией за труды был очаровательный аромат кофе, чая и пряностей, наполнявший их квартиру на втором этаже над магазином. Был и другой отрадный момент, о котором Маргарет вспоминала с благодарностью: у сестер из-за работы было гораздо больше возможностей общаться с отцом, чем у многих их сверстников и сверстниц, чьи отцы проводили будни в цеху, мастерской или в офисе.

Опыт дочери владельца магазина (автор сознательно не употребляет слов «лавочник», «лавка» из-за их существенно негативных коннотаций в русском языке, следствия десятилетий коммунистического режима, считавшего частное предпринимательство и индивидуальную инициативу смертельными врагами) постоянно проявлялся в политической карьере Маргарет Тэтчер. Когда в июле 1981 года, на втором году премьерства, она получила известие об уличных беспорядках в Токстедде (районе Ливерпуля), в которых пострадали многие мелкие магазины, то не могла удержаться от восклицания: «Бедные хозяева магазинов!»

За годы карьеры Тэтчер практически не вспоминала о матери и как-то даже проронила: «После того как мне исполнилось пятнадцать, нам не о чем было поговорить». Похоже, у старшей сестры отношения с матерью действительно были более тесными, чем у Маргарет. Не один биограф премьер-министра, потратив много слов, выискивал здесь какие-то сокровенные окна в душу одной из наиболее значимых женщин второй половины XX столетия. Писали

об отчуждении, о холодности между дочерью и матерью, о том, что это показывает «душевную ущербность» и «недостаточную женственность». Но дело в том, что вообще очень немногие женщины, достигшие сравнимых вершин в карьере, независимо от области, часто и много говорили о матерях. Ведь у большинства этих матерей была профессия домохозяйек, что не слишком впечатляло дочерей и не то чтобы освещало их жизненный путь. А может, Маргарет просто тяжело было говорить о матери, которую она потеряла сравнительно рано, в 1960 году, тогда Тэтчер было всего лишь тридцать пять лет. Бити Робертс было чуть за семьдесят, когда она умерла, — успев порадоваться тому, что дочь стала депутатом британского парламента.

В воспоминаниях Тэтчер рассказывала, как училась у матери искусству обустроить домашний очаг семье среднего класса. «Мама научила меня, как надо правильно гладить рубашки», — писала она в автобиографии и поясняла, как следовало обращаться с тяжелыми чугунными утюгами, которые разогревают на огне (автор знает из личного опыта, какая сноровка нужна в обращении с этим казалось бы примитивным инструментом). Беатрис Робертс, как мы уже знаем, умела хорошо шить (но не по воскресеньям — в этот день семья воздерживалась даже от чтения газет или настольных игр, а азартные игры, как и спиртные напитки, были у Робертсов вообще вне закона), а также была хорошим кулинаром. «Дважды в неделю мать устраивала большую выпечку — хлеб, печенье, пирожные, пироги», причем две-три буханки всегда отправлялись к их знакомым, пребывающим в стесненных обстоятельствах. Чтобы не обидеть их, Маргарет говорила: «Мама напекла сегодня много хлеба и спрашивает, не пригодится ли вам вот это. Это домашнее, лучше, чем в магазине».